

Ночной ветер охлаждал открытую грудь Лу Шэна. Только теперь он заметил, что одежда распахнута — Се Жун, получается, действовал одновременно и губами, и руками. Лу Шэн вспомнил, как после красного тумана не мог дышать и замерзал изнутри. Сейчас же ничего не болело. Значит, Се Жун действительно спасал его. Но какой это способ спасения — на глазах у людей целоваться языками так, будто...

Лу Шэн не знал, благодарить его или возмущаться. Увидев, что Се Жун уходит, он вскочил, запахнул одежду и догнал его.

— Этот способ лечения... довольно необычный.

Се Жун, не оборачиваясь, протянул ему фонарь.

— Нечисть вошла через рот и нос. Естественно, оттуда её и нужно вывести. Вынужденная мера. Думаешь, мне самому понравилось?

Лу Шэн машинально взял фонарь. Увидев на лице собеседника брезгливость, вдруг рассердился.

— А по-моему, тебе очень понравилось.

Се Жун не выдержал и улыбнулся.

— Сопrotивлялся, а сам поддавался. Довольно любопытно.

Лу Шэн сразу пожалел, что вообще заговорил. Уши пылали. До самых ворот он молчал, а потом тихо произнёс:

— Се Жун... спасибо, что спас меня.

— Наконец-то вспомнил о благодарности. Значит, ещё не безнадёжен.

Се Жун повернулся к воротам. Лу Шэн смотрел ему вслед и почему-то чувствовал: тот сейчас необычайно доволен. Юнь Е получил весть от Лу Шэна и, невзирая на скорый комендантский час, примчался в дом Се. После приветствия он сразу стал спрашивать:

— Как сестра? Позвольте мне её увидеть.

Се Жун спокойно ел сладкий суп с семенами лотоса, который принесла Жося.

— Чего спешишь? Юнь Чань без сознания, душа не вернулась. Увидишь — толку никакого.

Юнь Е нахмурился.

— Хотя бы из-за занавеси. Когда родному человеку плохо, сердце не на месте. Старший господин Се давно живёт вдали от семьи — вам этого не понять.

Улыбка Се Жуна стала ещё глубже, но взгляд мгновенно похолодел.

— Именно...

Он не успел продолжить. Лу Шэн поставил чашку с лotosовым супом, подошёл к Юнь Е и звонко ударил его по щеке. Хлопок разнёсся по всему залу. Даже слуги у двери перестали дышать. Фраза Се Жуна «Именно. У меня нет ни родителей рядом, ни братьев и сестёр, откуда мне понимать ваши чувства?» так и не прозвучала. Холодное раздражение в его глазах словно исчезло вместе с этой пощёчиной. Жося, не меняя выражения лица, без лишних слов заменила сладкий суп на тёплый ячменный чай. Се Жун сделал глоток и мягко сказал:

— Баоян, не хулигань. Перед тобой сын дворцового шаншу и внук княжны Ляньань.

Лу Шэн ответил:

— Если бы не его происхождение, я бы ударил кулаком.

Юнь Е держался за горящую щёку. Сила у этого военного была немаленькая — в ушах звенело, голова кружилась. Он вырос среди аристократов, где презирали драки и гордились рассуждениями. Никто никогда не смел поднимать на него руку — тем более простолюдин.

— Ты... ты меня ударил?

Лу Шэн хмыкнул.

— Тебя и ударил.

— За... за что?

— Благородный человек должен быть милосерден к живому, судить других по себе, радоваться чужому счастью и сочувствовать чужой беде. Видеть чужую удачу — как собственную; чужую потерю — как свою. Не превозноситься и не хвастаться, не завидовать лучшему, не льстить и не вредить исподтишка. Молодой господин Юнь, Се Жун ради твоей сестры носился ночью по городу и рисковал собой. Ты не только не благодарен, но ещё и жалуешься и говоришь обидные вещи. Чему вас учили наставники?

Юнь Е открыл рот:

— Я... я...

— Что «я»? Извинись!

— Я просто переживаю за сестру...

— Ты сидишь и ждёшь результата, поэтому не знаешь, насколько всё опасно. Твоя сестра столкнулась с нечистью и едва не лишилась жизни. Здесь нужна осторожность, а не твоё «хочу увидеть — значит увижу».

Се Жун опустил глаза и пил чай, скрывая улыбку. На самом деле он просто ленился вставать немедленно. Никакой особой опасности не было. Юнь Е окончательно сдулся. С отпечатком ладони на щеке он глубоко поклонился.

— Старший господин Се, я был невежествен и груб. Прошу простить.

Се Жун не торопился. Дал ему закончить поклон и только тогда сказал:

— Поднимитесь. Посидите немного. Чтобы окончательно спасти сестру, понадобится и ваша помощь.

Юнь Е сел, совершенно потеряв прежнюю надменность. Примерно через чашку чая Се Жун поднял голову.

— Готово.

За окном вспыхнул красный свет, смешанный с белым. Все вышли наружу. Светящаяся верёвка вернулась, плотно обмотав красное свадебное платье наподобие кокона. Се Жун только взглянул.

— Унести.

Двое слуг в чёрных перчатках осторожно унесли свёрток. Через некоторое время верёвка вернулась одна, радостно обвилась вокруг Се Жуна и растворилась в золотом облачном узоре на его рукаве.